

стр. 15.06.06

1937 год. С отцом.

Марина РАЙКИНА

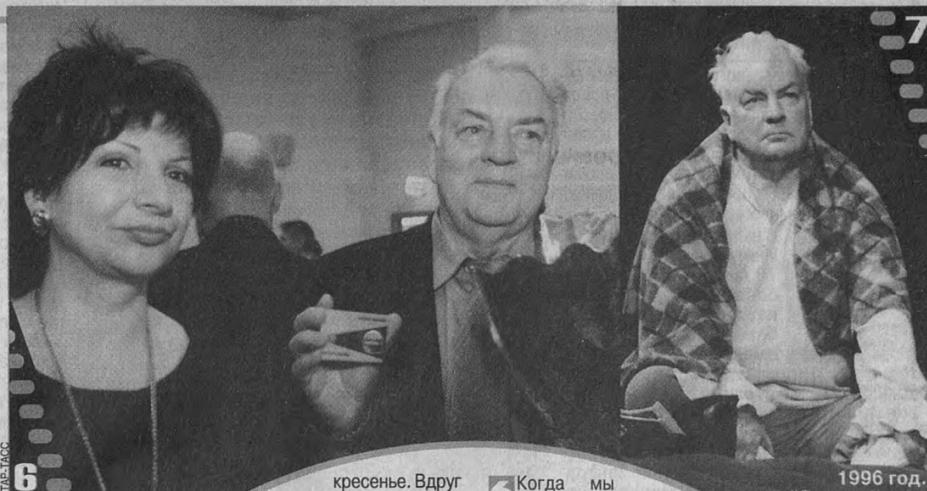
Михал Михалыч — и этим все сказано. Даже имперскую фамилию добавлять не надо. И так всем ясно, что речь идет о Державине. Самом обаятельном, самом мягком, самом бесконфликтном. Красивый с бархатцей голос, стать, манеры — как ключ к любым дверям. Хоть в знаменитый кабачок "13 стульев", хоть на Триумфальную площадь в Театр сатиры или в дом на улице Щукина, что рядом с одноименным училищем. Вам везде будет комфортно, душевно и уютно, потому что встречает вас Михал Михалыч. Сегодня он отмечает юбилей. А накануне мы с ним перелистали его семейный альбом. То есть я листала, а Михал Михалыч рассказывал...

Это любимец вахтанговского театра Михаил Степанович Державин и я — его сын. Здесь мне всего годик. Когда я появился на свет в роддоме им. Граурмана на Большой Молчановке (кстати, там же родились Марк Захаров, Шура Ширвиндт и другие приличные люди), профессор Архангельский, который принимал у мамы роды, увидев меня, сказал: "О, вылитый Михаил". И тут же меня назвали Михал Михалычем. Когда меня вынесли из роддома и понесли домой, отец с артистами остановившись у всех забегаловочек и выпивали. Первым по дороге они встретили народного артиста Бориса Щукина, игравшего в кино Ленина. "Ленин" взял меня на руки и произнес: "Действительно Мишка". Меня отнесли в дом, расположенный рядом с училищем им. Щукина, и мне ничего не оставалось, как после школы из одного подъезда просто перейти в другой.

Этот снимок сделан в 47-м году на пляже Лонжерон в Одессе. Мне 11 лет. Мы с сестрами стояли на берегу моря, а снимал нас пляжный фотограф. Мы такие испуганные получились, потому что смуглый дядька, да еще с каким-то ящиком, в который засовывал голову, грозно кричал на нас: "Внимание! Сны-маю!". Из того времени помню, как на пляже Владимир Этуш, тогда очень молодой, изображал глухонемого. Какая-то тетка разносила фрукты, а артисты ее к Этушу отправляли: "Он сейчас у вас все купит, но учтите — он плохо слышит, говорите громче". Тетка дико надрылась, а Владимир Абрамович совершенно гениально делал глухого человека. Все артисты умирали от хохота.

Это я на первом курсе. Меня приняли в "Шуку" не по благу, но очень интересным образом. Я на первом туре читаю стихи и прозу, и меня допускают до второго тура, который должен состояться через три-четыре дня. Я, счастливый, сию же дома, готовлюсь — было вос-

1996 год. "Счастливец-Несчастливец".

С женой Роксаной.

Кресенье. Вдруг прибегают нянечка из училища: "Миш, быстро в училище, тебе надо читать". У меня обрывается сердце: зачем, ведь я же прошел? Но прихожу. С нашими педагогами сидит иностранная делегация — французские актеры, и меня представляют им как абитуриента. "Давайте, Михаил, читайте" — и я читаю то, что уже читал. По глазам понимаю, что это инсценировка, так сказать показательные выступления для иностранцев. Но в воскресенье никого, кроме меня, нельзя было найти. После того как я прочел, Захава — ректор наш — тихонечко так сказал мне: "А сегодня лучше". Между прочим, я закончил училище с красным дипломом — не хухры-мухры.

1959 год. Моя первая роль в театре им. Ленинского комсомола — Печорин. Я закончил училище на год позже сокурсников, потому что меня отпустили на год сниматься в кино в фильме "Они были первыми" — я играл гимназиста. Сниматься тогда почти никого не отпускали, но меня отпустили — все-таки трое детей, отец умер, когда мне было 15, и мама только что поступила работать в комбинат ВТО, расписывала там ткани. Так что помогал семье материально — по ночам снимался в массовках: в "Арене смельх" выходил в униформе, сидел в классе в "Аттестате зрелости".

А после картины "Они были первыми" купил в дом холодильник. Кстати, в Ленком я попал потому, что его директор Колеватов пошел к министру культуры и сказал: "У меня очень тяжелое положение, у меня комсомольцев играют 40-летние дядьки". Правду сказал, потому что всех выпускников театральных училищ тут же забирали в армию. И министр культуры вместе с министром обороны дали нам отсрочку.

Это уже Театр сатиры. Спектакль "Последний парад" Александра Штейна. Уникальный снимок — на нем Роман Ткачук и Анатолий Папанов, который, кстати, знал и обожал моего отца, когда был еще не великим Папановым, а ходил в драмкружок в ДК "Каучук". Так вот, Плучек сделал спектакль про моряков и пригласил написать музыку и песни Таривердиева и Володю Высоцкого. И вот мы поем знаменитую его "Зарядку": "Вдох глубокий, руки шире..." А потом я уже один: "На Север улетаю из Одессы. Опять не выпускают самолет. И вот пришла вся в синем стюардесса, как принцесса, доступная, как весь гражданский флот". А репертком пришел ко мне и говорит: "Миша, ты не пой 'доступная', а пой 'надежная'".

2000 год. "Привет от Цюрупы".

Наш старинный друг Гриша Горин написал специально на нас "Шурой пьесу" "Счастливец-Несчастливец". Он меня спросил: "Миша, а кого бы ты из вождей хотел сыграть? На кого ты похож — на Буденного или Ворошилова?" Нет, я больше Ворошилов, и папа у меня Ворошилова играл в Театре Вахтангова. "Хорошо", — говорит Горин, — а Шурке я Сталина напишу". Если бы Климент Ефремович увидел, как я его играю, он бы не обиделся. Тем более что я лично был с ним знаком. Вообще Горин отлично знал нашу пару. Только считал, что в наших фамилиях есть ошибка: Шура — Ширвиндов, а я — Державиндт.

С внуками Петром и Павлом.

Внуки — Петр и Павел. Петя учится на журфаке, а младший... Я вот недавно Пашку спрашиваю: "Ты будешь артистом?" — "С ума сошел!! Никогда в жизни!!!" — закричал он и ушел в другую комнату. А через минуту уже вышел оттуда в шляпе с пером и шлягой. Ну конечно, артист. Сегодня вечером от причала Театра эстрады, а заметим, не Сатиры (рядом с ним ничего не протекает), отшвартуется белый теплоход. Вот так оригинально, на водах, театральная общественность решила отметить юбилей Михаила Михайловича Державина.

С дочерью Машей.

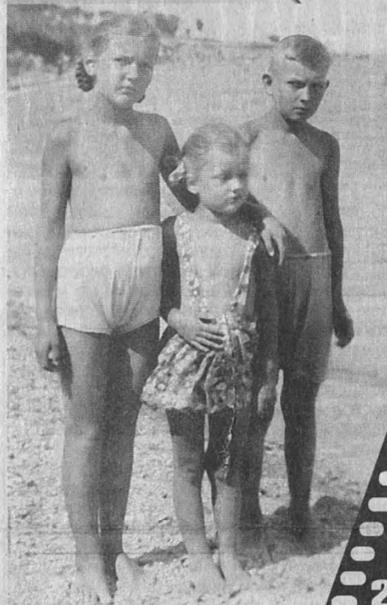

Свое 70-летие Михалыч начал отмечать с "МК"

Ай да Державин!

1972 год. С Папановым и Ткачуком.

ай да ЩУКИН СЫН!

1947 год. С сестрами Аней и Таней.

1954 год. Первый год "Шуки".

1959 год. Первая роль в театре.